**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 3 (70)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:
Молодин В.И., председатель совета, акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:
Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан); Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Клюева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: http://www.ipdn.ru

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2025

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (70)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)
Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)
Hanks B., PhD, Proffessor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)
Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)
Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Göteborgs Universitet (Göteborg, Sweden)
Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege
(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)
Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: http://www.ipdn.ru

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-8

УДК 902.01

Зеленков А.С. [a, *], Слепцова А.В. [a, b], Коников Б.А. [c], Грачев М.А. [d]

[a] Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003
[b] ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008
[c] Радиозавод им. А.С. Попова, ул. 10 лет Октября, 195, Омск, 644009
[d] Омский государственный педагогический университет, ул. Партизанская, 4а, Омск, 644099
E-mail: qvimen@hotmail.com (Зеленков А.С.);
sleptsova_1993@mail.ru (Слепцова А.В.); boris_konikov@mail.ru (Коников Б.А.);
max803@yandex.ru (Грачев М.А.)

КОМПЛЕКСЫ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ СЕВЕРНОЙ ЛЕСОСТЕПИ ПРИИРТЫШЬЯ — ИРЧИНСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК (ПО МАТЕРИАЛАМ В.А. МОГИЛЬНИКОВА 1969 г.)

Публикуются материалы Ирчинского курганного могильника из раскопок 1969 г. В.А. Могильникова в Омском Прииртышье (Большереченский р-н Омской обл., близ д. Большемурлы). Всего исследовано семь погребений из четырех курганных насыпей. Инвентарь представлен деталями конской сбруи (удила, стремя, бляшки, пряжки, обоймы, накладки), предметами быта (тесло, глиняные сосуды бакальского и потчевашского типов), вооружения (наконечники стрел) и украшениями (бусы, подвески, детали наременной гарнитуры). Погребальный обряд характеризуется ингумациями, совершенными в овальных и подпрямоугольных ямах, ориентированных по линии З–В, со следами ритуальных действий на площадке курганной насыпи (сожжения, остатки туш животных). Материалы отражают продолжительный период сложения, как минимум с VII/VIII до XIII в. Некрополь демонстрирует интеграцию степных традиций в местный историко-культурный контекст эпохи раннего средневековья.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Омская область, северная лесостепь, ареал потчевашской культуры, древнетюркское время.

Ссылка на публикацию: Зеленков А.С., Слепцова А.В., Коников Б.А., Грачев М.А. Комплексы раннего средневековья из северной лесостепи Прииртышья — Ирчинский курганный могильник (по материалам В.А. Могильникова 1969 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 89–102. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-8

Введение

Ирчинский курганный могильник (Большие Мурлы), исследованный В.А. Могильниковым в 1969 г. в Большереченском районе Омской области, неоднократно упоминается исследователями в рамках изучения проблем, связанных с распространением тюркской культуры на сопредельные северные территории и влиянием ее носителей на аборигенное западносибирское население в эпоху раннего средневековья. В.А. Могильников поместил данный памятник на карту ареала «тюркских памятников IX–XI вв.» [1981, рис. 25, *19*], хотя по неизвестным нам причинам не обратился к публикации столь специфических материалов и позднее, в издании «Финно-угры и балты в эпоху средневековья» серии «Археология СССР…» [Могильников, 1987]. В начале 1990-х гг. Б.А. Коников кратко описал особенности ирчинских могил в свете обобщений по потчевашской культуре [1994, с. 263]; в дальнейшем упоминал данный памятник в дискуссии по вопросам тюркизации юга Западной Сибири [2021]. У С.Ф. Татаурова и С.С. Тихонова Ирчинский могильник фигурирует в контексте реконструкций миграционных маршрутов кимакского населения из Алтая в Среднее и Нижнее Прииртышье в IX–X вв. [2021, с. 232]. Таким образом, материалы Ирчинского могильника востребованы в научном сообществе и представляют важные факты для характеристик и реконструкции сложных историко-культурных событий эпохи раннего средневековья лесостепной полосы Северной Евразии.

Целью настоящей работы является полная публикация материалов В.А. Могильникова 1969 г. по отчетным материалам, археологическим и антропологическим коллекциям.

* Corresponding author.

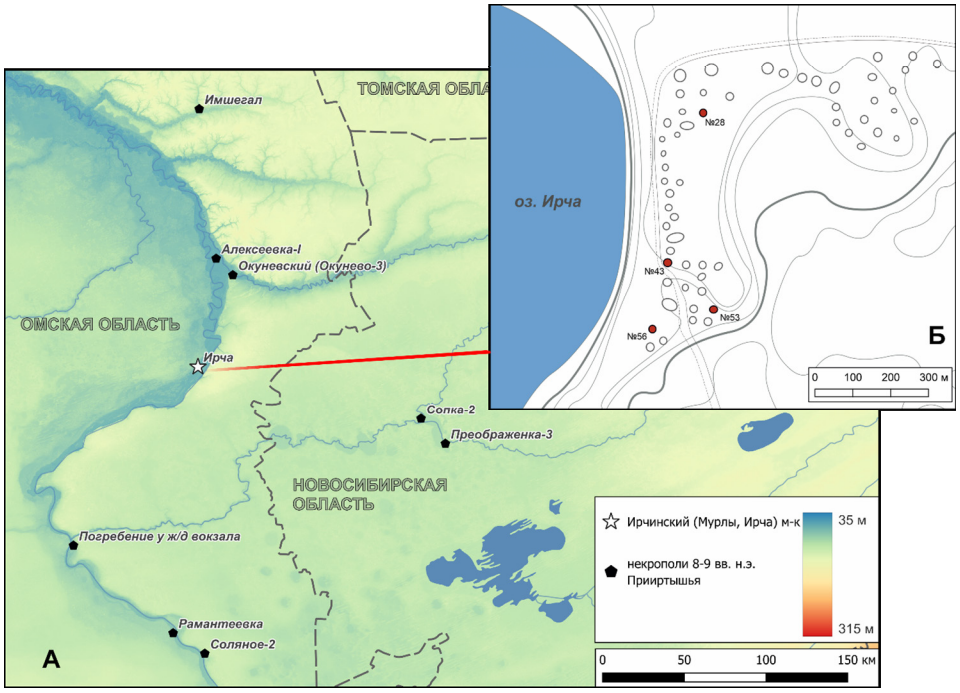

Рис. 1. Ирчинский могильник (А) в контексте раннесредневековых комплексов Прииртышья и его топоплан (Б).
Fig. 1. The Irchinsky burial ground (A) in the context of Early Medieval complexes of the Irtysh region and its topographic plan (Б).

Объекты исследования

Ирчинский могильник занимает участок территории в пределах Ишимской равнины, граничащей на юге по р. Камышловке с Северо-Казахстанской равниной (рис. 1, *А*). Ее рельеф в основном плоский, с колковыми западинами, травянистыми и остепненными осиново-березовыми лесами, остепненными лугами и луговыми степями с пресными и солеными озерами [Система адаптивного земледелия.., 2020, с. 12, 30]. Некрополь расположен на возвышенном (78–82 м) восточном берегу оз. Ирча, в 3 км севернее д. Большие Мурлы Большереченского района Омской области. В 1969 г. В.А. Могильников открыл и исследовал курганную группу из 58 насыпей [Могильников, 1969]. Площадка памятника размером около 0,400 км^2 занята лиственным лесом и ограничена с востока остепненным лугом. Курганы расположены цепочкой и небольшими скоплениями на дуговидной песчаной возвышенности, огибавшей берег озера и на 300–350 м уходившей в сторону д. Большие Мурлы. Их размеры от 6–7 до 18 м, высота — 0,3–0,5 м, самые крупные имели овальную форму насыпей, остальные — округлую. Большинство курганов имеют следы грабительских раскопов в виде неглубоких западин по центру, один из курганов (№ 51) был разрушен траншеей на всю его длину (11 м). В 1969 г. В.А. Могильников исследовал четыре объекта (№№ 28, 43, 53 и 56) (рис. 1, *Б*), содержавших семь погребений, различных по обряду и инвентарю[1].

Описание курганных насыпей

Курган № 28 расположен в северной части могильника, остальные (№№ 43, 53, 56) — в южном скоплении (рис. 1, *Б*). Насыпи №№ 28 и 43 в плане округлые, №№ 53 и 56 — овальные, ориентированные по линии СЗ–ЮВ, с неровной поверхностью и западинами от грабительских ям. Размеры объектов: № 28 — 10×0,7 м, № 43 — 8×0,3 м, № 53 — 18×10×0,66 м, № 56 — 11,5×8×0,52 м. В связи с особенностями расположения погребений под курганами №№ 53 и 56, а также стратиграфии (отсутствие центральной могилы и небольшие перепады на крайних участках насыпей) (рис. 5, 6) нельзя исключать, что это были одиночные курганы, слившиеся в одну продолговатую насыпь. Тело курганов и погребенная почва были сложены из темно-коричневой или почти черной супеси с редкими линзами прокаленной почвы ярко-оранжевого цвета с включениями угля, возможно, от деревянных перекрытий (рис. 2, 3). В процессе разбо-

[1] Основу текстовых описаний см.: [Могильников, 1969].

ра насыпей следов каких-либо конструкций обнаружено не было, но встречались следы тризн. В частности, в кургане № 43 на глубине 0,2 м в 1,1 м к югу от центра стоял горшковидный сосуд потчевашского типа, украшенный гребенчатым орнаментом (рис. 3, *1а*); севернее центра, в 1,5 м от могилы 1 и в 2,5 м от могилы 2 в кургане № 53, на глубине 0,4–0,5 м встречены череп и фрагменты нижней челюсти лошади (рис. 5); в 2 м к западу от центра в кургане № 56 на глубине 0,8 м найден рог косули (рис. 6).

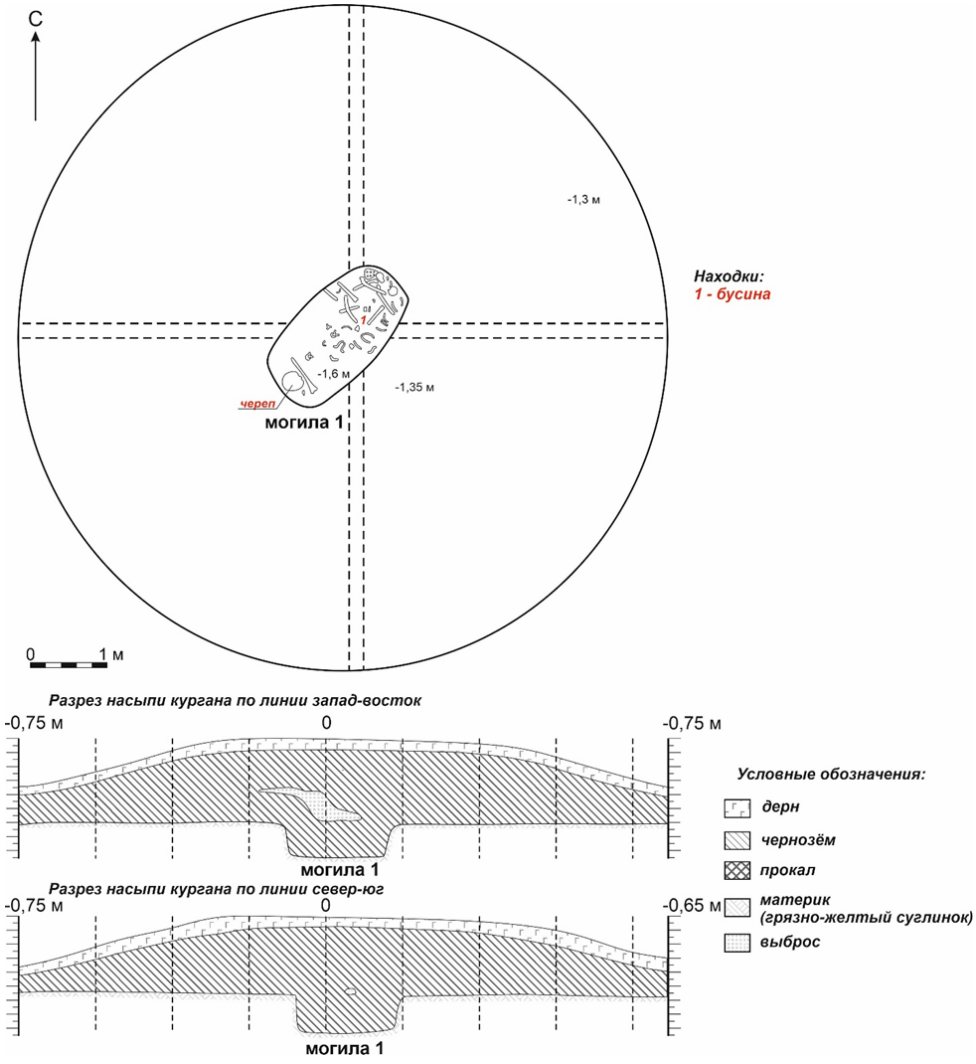

Рис. 2. Курган № 28.
Fig. 2. Mound № 28.

Описание погребений

Курган № 28, погребение 1 (рис. 2). Представляло собой подпрямоугольную яму размером 2,15×1,15 м, глубиной до 1,6 м. Над ее заполнением прослежена небольшая линза светло-коричневого песка неправильных очертаний, оставленного в связи с нарушением заполнения норами землеройных грызунов и, возможно, неоднократным ограблением объекта. Могила ориентирована по линии СВ–ЮЗ, ее стенки почти вертикальные, а дно плоское. В заполнении могилы встречались мелкие угольки, вероятно, от перекрытия или органической подстилки. В северо-восточной половине заполнения ямы обнаружено скопление костей посткраниального скелета индивида, составленное из фрагментов тазовой, позвонков, ребер, фаланг пальцев, лучевой и малой берцовой костей. В средней части могилы, на глубине 1,5 м, обнаружены нижняя челюсть и фрагменты ключицы. В юго-западной половине погребения лежали отдельные позвонки и ребра, а у юго-западной стенки, на глубине 1,3 м,— череп с большой берцовой костью. Расположение костей останков погребенного, главным образом фрагментов черепа, позволяет предпола-

гать, что умерший был уложен головой на ЮЗ. Вещевой комплекс представлен серебряной бусиной с зернью (рис. 2, *1*; 8, *20*), обнаруженной около северо-восточного торца могилы.

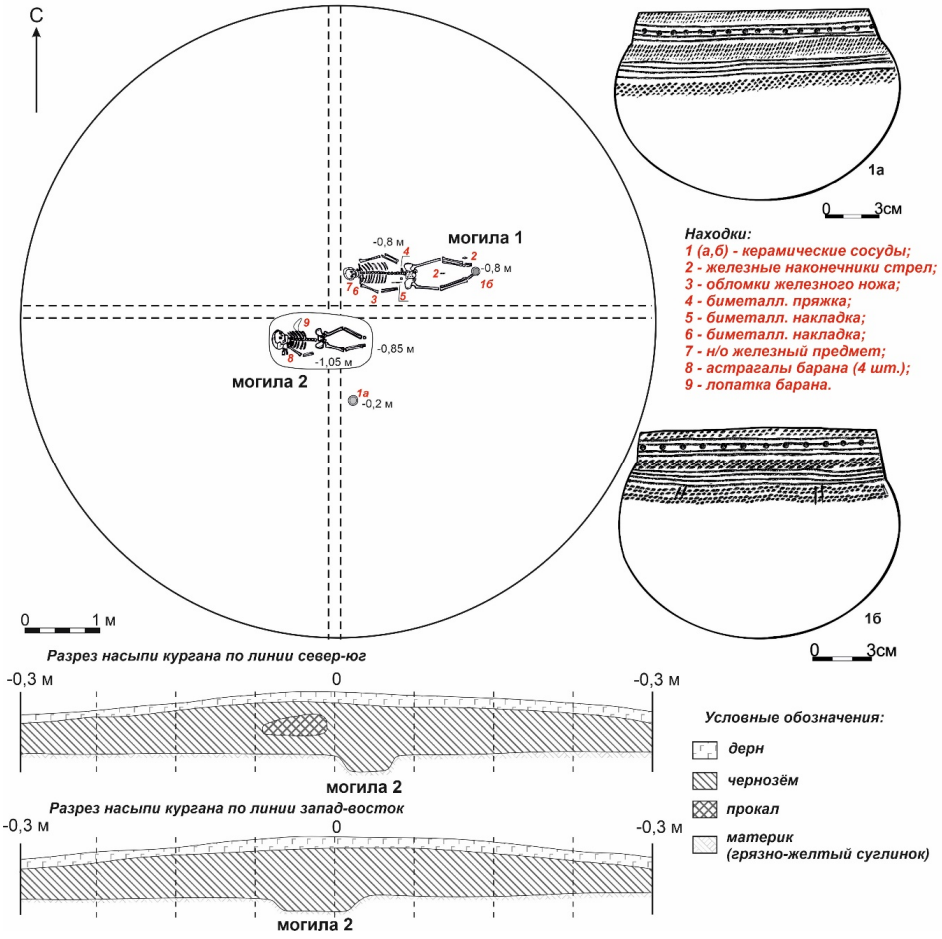

Рис. 3. Курган № 43.
Fig. 3. Mound № 43.

Курган № 43, погребение 1 (рис. 3). Обнаружено на уровне древней дневной поверхности, в слое темно-серой супеси, на глубине 0,8 м от вершины насыпи. Его контуры из-за темного окраса почвы определить не удалось. Судя по расположению костяка, погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на запад, со слегка согнутыми в локтях руками вдоль туловища, при этом ноги находились в позе «всадника». В области ступней был обнаружен глиняный сосуд (рис. 3, *1б*) потчевашского типа, аналогичный экземпляру из насыпи (рис. 3, *1а*). Покойного сопровождали следующие вещи: в поясном отделе — биметаллическая пряжка (рис. 3, *4*; 8, *22*), напротив нее — круглая бляшка (рис. 3, *5*; 8, *2*) и железный нож с остатками деревянной рукоятки (рис. 3, *3*; 7, *1*), у левой ступни — железный наконечник (рис. 3, *2*; 7, *4*), еще один — между ног (рис. 3, *2*). В области шеи и около ключицы находились «рогатая» накладка (рис. 3, *6*; 8, *23*) и обломок бронзовой пластинки (не сохранилась) (рис. 3, *7*). Положение костяка не было потревожено грабителями.

Сохранились лицевой отдел черепа, нижняя челюсть (рис. 4, *1, а, б*), кости таза, длинные кости посткраниального скелета. Пол индивида определен как мужской[2]. На это указывают признаки, зафиксированные на черепе: глабелла развита сильно (балл 4), лобные бугры не выражены, верхний край орбиты округлен (балл 4), форма орбиты подпрямоугольная. Нижняя челюсть с умеренно развитым подбородочным выступом (балл 3) и вывернутыми углами (рис. 4,

[2] Здесь и далее половая диагностика индивидов проводилась на основании анализа морфологии черепа, строения таза и посткраниального скелета [White, Folkens, 2005]. Возраст индивидов на момент смерти определялся по степени облитерации швов черепа и стертости жевательной поверхности зубов [Зубов, 1968, с. 173–174; White, Folkens, 2005].

1а). Форма большой седалищной вырезки тазовой кости образует острый угол (балл 4). Длинные кости скелета массивные, рельеф в местах прикрепления мышц выражен значительно.

Возраст индивида установлен по степени стертости жевательной поверхности коронок зубов верхней и нижней челюстей в диапазоне старческого (senilis, более 50 лет) (рис. 4, *1б*). Коронки зубов стерты на половину своей высоты, жевательная поверхность состоит из больших участков открытого дентина (балл 3). Вторые премоляры и моляры нижней челюсти утрачены при жизни индивида.

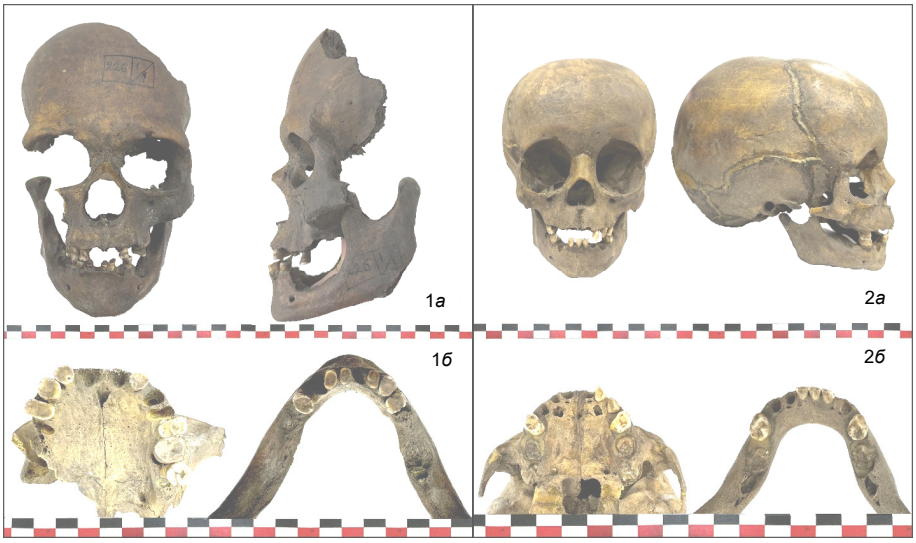

Рис. 4. Черепа и зубная система индивидов из погребений 1 и 2 кургана № 43.
Fig. 4. Skulls and dental system of individuals from burials 1 and 2 of ground № 43.

Курган № 43, погребение 2 (рис. 3). Центральное, подпрямоугольной формы, размером 1,3×0,7 м, глубиной 0,2 м от уровня материка, со слегка наклонными стенками и плоским дном. Погребенный был обнаружен в позе вытянуто на спине, головой на запад, лицом на север, со слегка раздвинутыми коленями, аналогично индивиду из могилы 1. Погребенного сопровождали остатки животных, в частности, слева у головы была расположена лопатка барана (рис. 3, *9*), а справа — четыре астрагала (рис. 3, *8*). Других вещей обнаружено не было.

Сохранились целый череп (рис. 4, *2, а, б*) и длинные кости посткраниального скелета. Степень сформированности всех костей соответствует первому детскому возрасту (infantilis I). Точный возраст индивида на момент смерти определен по степени сформированности зубов молочной и постоянной смены и их положению в челюсти (рис. 4, *2б*). На момент смерти индивида молочные резцы, клыки и первые моляры полностью прорезались, вторые моляры начинали прорезываться. Постоянные зубы находились в теле челюсти. Такое состояние зубной системы характерно для возраста 2 года ± 8 мес.

Сохранность материала позволяет описать закладки постоянных моляров по одонтологической программе [Зубов, 1968]. На первых верхних молярах метаконус не редуцирован (балл 1), как и гипоконус (балл 4). Зафиксирован дополнительный дистальный бугорок. Косой гребень прерван. Закладки коронок первых нижних моляров 5-бугорковые, с «Y»-узором коронки. Дистальный гребень тригонида, коленчатая складка метаконида и tami отсутствуют. Вторая борозда метаконида впадает в фиссуру III. Патологических изменений не отмечено.

Курган № 53, погребение 1 (рис. 5). Трапециевидной формы, размерами 3,1×0,9 м, ориентировано по линии ЗСЗ–ВЮВ, глубиной от 0,05 до 0,25 м от уровня материковой поверхности. По-видимому, аморфные контуры и разная глубина могильной ямы объясняются антропогенными разрушениями. Узкий длинный выступ размером 1,1×0,55 м в ЗСЗ части являлся, очевидно, кладоискательской траншеей, остатки которой виднелись на поверхности насыпи в виде неглубокой бороздки. Фрагменты железных предметов (не сохранились) и бусы (рис. 5, *4*; 8, *21*) попали в этот выступ при перекопе могилы грабителями. Надо полагать, что первоначально могильная яма имела прямоугольную форму, размер 1,7×0,9 м. Ей соответствует большой под-

прямоульный выступ в северной части вскрытой ямы и южная граница контуров углубления могилы в материк. Дно могильной ямы, было, вероятно, ровным.

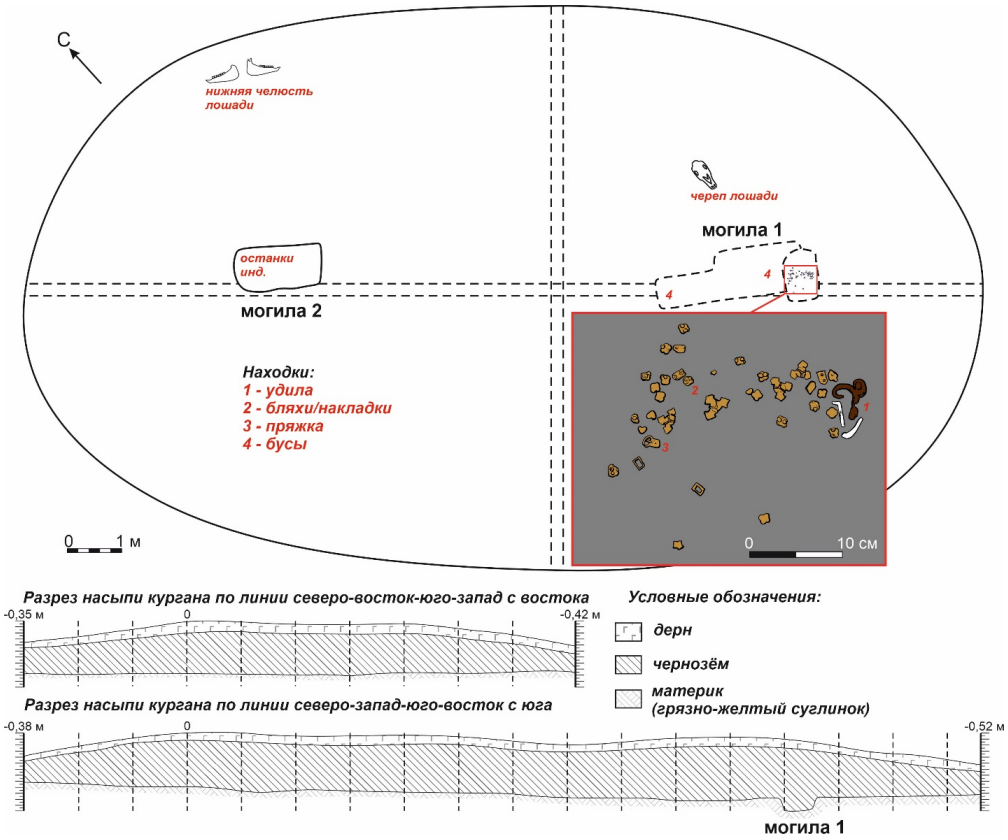

Рис. 5. Курган № 53.
Fig. 5. Mound № 53.

В заполнении могильной ямы, в ВЮВ половине, обнаружены стеклянные бусы круглые синие и бесцветные, одна продолговатая, почти цилиндрическая, полосатая (рис. 5, *4*; 8, *21*). Здесь же находились отдельные фрагменты костей человека, плохо сохранившихся в песчаном грунте, а также — пряжка, лопастные (6 ед.) распределители, сердцевидные (6 ед.) и четырехлепестковые накладки (23 ед.), обоймы (2 ед.) и ременные наконечники (5 ед.)[3], удила с S-образными псалиями от уздечного набора, сконцентрированные на участке размерами 1×1 м (рис. 5, *2, 3*; рис. 8, *1, 3–17, 24–29*). По компактному характеру размещения вещей интерпретируем данный участок как место отдельного захоронения украшений оголовья лошади (возможно, чучела?) (рис. 8, *30*). Тут же, у ВЮВ края, встречены железные двусоставные кольчатые удила (рис. 5, *1*; 7, *15*). В ЗСЗ половине могильной ямы и выступе обнаружены отдельные бусины, одна бляшка из указанного выше набора и фрагменты железных стремян (рис. 7, *14*). Кроме того, в 1 м от погребения в толще насыпи на глубине 0,8–0,95 м от вершины кургана, почти на материковой поверхности, были зафиксированы две серебряные серьги (рис. 8, *18, 19*).

Курган № 53, погребение 2 (рис. 5). Представляло собой подпрямоугольную яму размером 1,6×0,75 м, глубиной 0,15 м от уровня материка. Могила ориентирована продольной осью по линии ВЮВ–ЗЮЗ. Около дна могилы, на глубине 1,1 и 1,05 м найдены фрагменты двух костей человека. О нарушении целостности предметного комплекса могилы в древности свидетельствуют разрозненные находки предметов, обнаруженных в радиусе 2–3 м от нее, в слое тела насыпи: на уровне -0,5…-0,7 м — костяные наконечники стрел (рис. 7, *6–11*) и один железный экземпляр (рис. 7, *5*), на

[3] Количество предметов (пряжка, наконечники ремня и подпрямоугольные обоймы) определено по иллюстрации из альбома. Эти предметы и набор бусин (рис. 8, *21*) выставлены в археологической экспозиции Омского государственного историко-краеведческого музея. На момент работы с коллекциями (весна 2023 г.) по техническим причинам не были доступны для фотофиксации и отрисовки.

уровне -0,5…-0,55 м — обломки железного ножа (рис. 7, *2*) и стилизованная биметаллическая рукоятка (от него же?) (рис. 7, *3*); на уровне -0,65 м встречены также два фрагмента стенок сосудов.

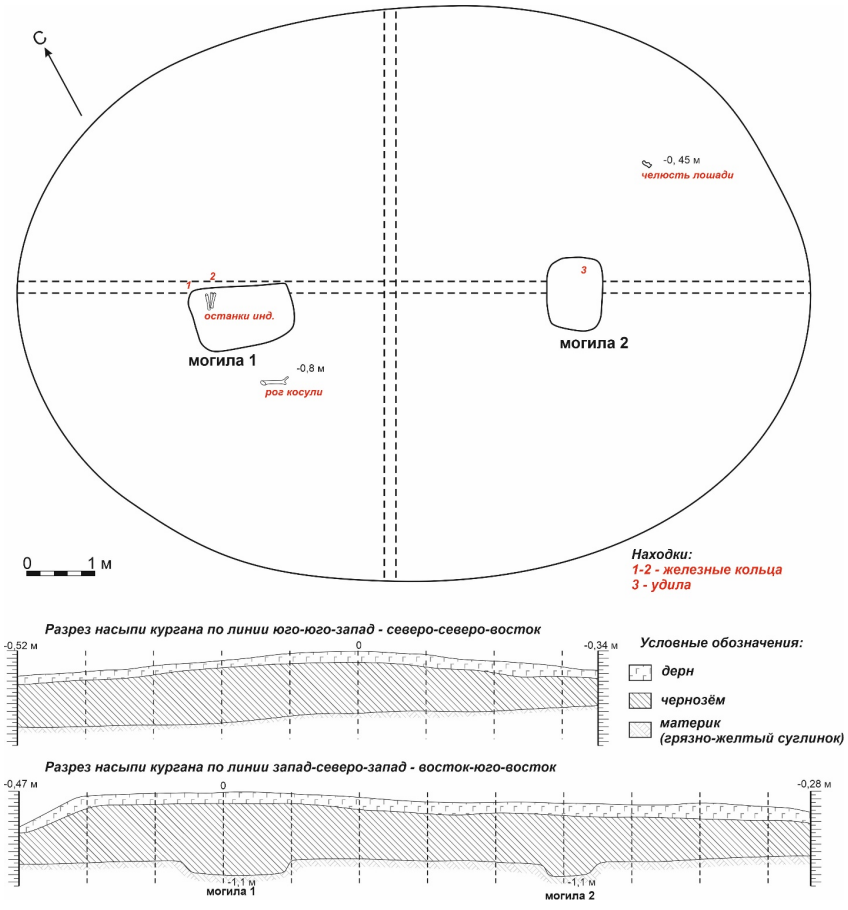

Рис. 6. Курган № 56.
Fig. 6. Mound № 56.

Курган № 56, погребение 1 (рис. 6). Трапециевидной формы, размерами 1,4×0,85×1,1 м, глубиной 0,15 от уровня материка, ориентировано продольной осью по линии З–В. Вблизи северо-западного угла могилы находились обломки трех длинных костей конечностей человека — двух берцовых и бедренной. Рядом с могилой, против северо-восточной стенки, на глубине 0,4 и 0,7 м встречены фрагменты двух железных удильных колец (не сохранились в коллекции).

Курган № 56, погребение 2 (рис. 6). Подпрямоугольной формы, размером 1×0,8 м и 0,38 м от уровня материка (-0,8 м). Над заполнением могилы, на глубине -0,6 м, лежали железные двусоставные удила с кольчатыми псалиями (рис. 7, *13*). Продольная ось ямы ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. Останков покойного обнаружено не было.

Вещи и датировка

Бытовой инвентарь и вооружение

Керамика (рис. 3, *1а, 1б*) из кургана № 43 представлена горшковидными емкостями потчевашского типа[4]. Орнамент характеризуют оттиски горизонтальных прочерчиваний по шейке и плечам, наклонные оттиски гребенчатого штампа и округлые вдавления по венчику. Данные керамические сосуды представляют типичную продукцию гончаров подтаежной и лесостепной зон Ишимо-Иртышья конца эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья и являются одним из основных культуродиагностирующих признаков потчевашской культуры [Зеленков, 2023, с. 170; рис. 3].

[4] В коллекциях не обнаружены, иллюстрации и описания даются по фото из альбома отчета В.А. Могильникова.

Железные ножи (рис. 7, *1, 2*) представлены двумя аналогичными друг другу экземплярами из погребения 1 кургана № 43 (рис. 7, *1*) и погребения 1 кургана № 53 (рис. 7, *2*). Длина лезвия до 5,8 см, ширина спинки до 0,6 см. Экземпляр из кургана № 53 сопровожден биметаллической рукояткой (рис. 7, *3*), навершие которой оформлено в виде фигуры хищного зверя (медведь?). Подобные изделия широко представлены в несколько более позднее время. В частности, по данным Н.В. Федоровой, бронзовые рукоятки с фигурным навершием распространяются компактной группой на Севере Западной Сибири не ранее IX в. [Федорова, 2019, с. 49, рис. 9].

Рис. 7. Бытовой инвентарь, детали уздечки и вооружение:
1, 4 — курган № 43, погребение 1; 14, 15 — курган № 53, погребение 1; 2, 3, 5–11 — курган № 53, погребение 2; 13 — курган № 56, погребение 2; 12 — н/о происхождения: 2, 5, 15 — рисунки Н.Ю. Раевской по фото из отчета В.А. Могильникова; 6–11 — фото по: [Могильников, 1969].
Fig. 7. Household goods, bridle parts and weapons.

Наконечники стрел железные (рис. 7, *4, 5*) происходят из погребения 1 кургана № 43 (рис. 7, *4*) и погребения 2 кургана № 53 (рис. 7, *5*). Первый экземпляр относится к типу Худяков–IV/2 древнетюркских наконечников стрел VIII–X вв. [Худяков, 1986, с. 144: рис. 64, *29*]. Второй может быть отнесен к типу Худяков–III/2 VIII–IX вв. [Там же, с. 144: рис. 64, *25*]. Вместе с ним находились костяные экземпляры (рис. 7, *6–11*).

Тесло железное (топорик?) (рис. 7, *12*). Обнаружено в коллекции из Ирчи, но установить его происхождение точнее не удалось. С несомкнутой втулкой, высотой 7,5 см, ширина лезвия 3,5 см, ширина втулки 4,8 см. По типологии С.П. Нестерова относится к типу 1 древнетюркских образцов из Алтая, Минусинской котловины и Тувы VI–VIII вв. [Нестеров, 1981, с. 169–170].

Украшения и детали конского снаряжения (рис. 7, *13, 14, 15*; 8, *1, 3–17, 24–29*)

Железные удила с S-видными псалиями, имеющими прямоугольную рамку (1 ед.) (рис. 7, *13*), происходят из кургана № 56, погребения 2. Аналогичные изделия встречаются в тюркских комплексах конца VI — VIII в. Алтая [Кубарев, 2005, табл. 12, *1*; 98, *2*], Тувы [Савинов, 1984, табл. III, *1*], Монголии [Серегин, 2018, рис. 2, *5*] и других регионов.

Стремя с пластинчатым ушком на короткой суженной шейке, с расширенной подножкой (1 ед.) (рис. 7, *14*) из кургана № 53, погребения 1. Стремена с ушком в виде короткой пластинки с VII в. получили распространение в Китае, среди тюрков Южной Сибири (вероятно, и других районов Центральной Азии), авар Среднего Подунавья [Амброз, 1973, с. 86–87], вытеснив изделия с длинной пластиной; долгое время со второй половины VII по IX в. и позднее были популярны среди кочевого населения Алтая [Гаврилова, 1965, табл. XIV, 12; Савинов, 1984, табл. III, *16*; Кубарев, 2005, табл. 49, *4, 5*], Монголии (тип 4 по: [Серегин, 2017, рис. 2, *6*]) и некоторых других регионов.

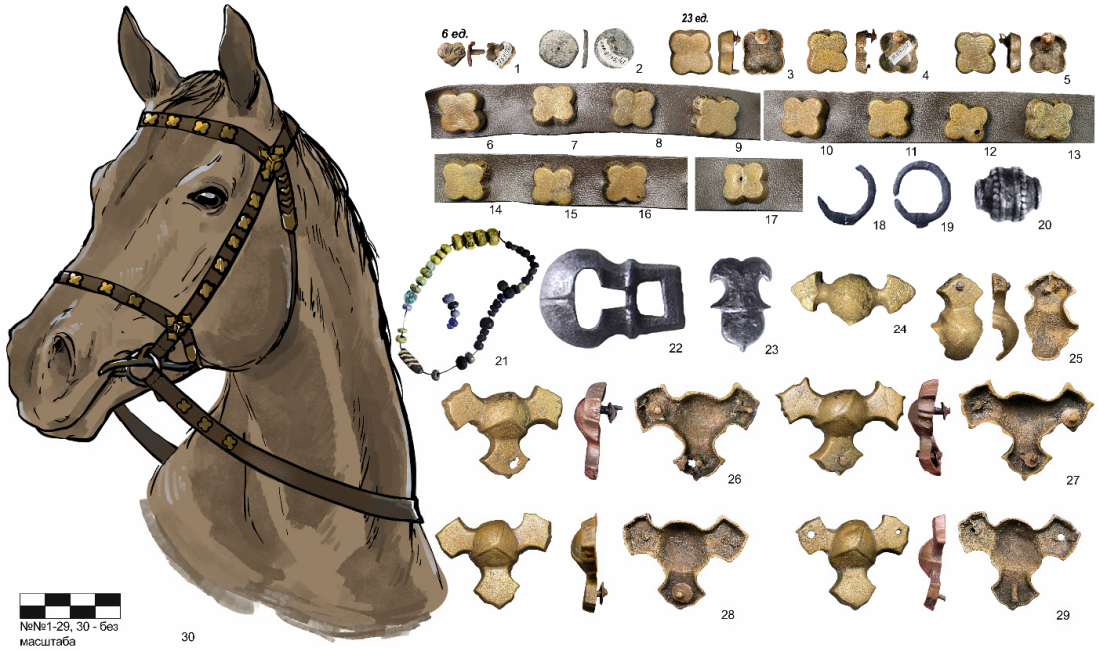

Рис. 8. Украшения и детали одежды и конского обмундирования:
20 — курган № 28, погребение 1; 2, 22, 23 — курган № 43 погребение, 1; 1, 3–19, 21, 24–30 — курган № 53, погребение 1: 18–20, 23 – фото по: [Могильников, 1969]; 30 — реконструкция Н.Ю. Раевской.
Fig. 8. Ornaments and details of clothing and horse equipment.

Железные удила с подвижными округлыми кольцами (1 ед.) (рис. 7, *15*) из кургана № 53, погребения 1 имеют широкий круг аналогий в памятниках как раннего железного века, так и средневековья.

Лопастные распределители ремней с сужениями в месте стыка лопастей и полусферическим центром, шпеньками-заклепками (6 ед.) из кургана № 53, погребения 1 (рис. 8, *24–29*). Лопасти подтреугольной формы с пятиугольными окончаниями, у нескольких экземпляров (рис. 8, *24, 27*) читается геометрический орнамент. Центральная часть украшена нервюрами. По типологии А.А. Торгоева рассматриваемые распределители относятся к типам РЛ1–2 лопастных распределителей, выделенных для третьей (конец VII — середина VIII в.) и четвертой (VIII — середина IX в.) хронологических групп ременных гарнитур Семиречья [Торгоев, 2011, с. 62, 66; с. 222: рис. 72, *147*]. Прямые аналогии экземплярам из Ирчи находим в комплексах Иня-1 (к. 14, п. 1) [Горбунова и др., 2009, с. 50, рис. 18]. В целом подобные типы конских украшений с разным оформлением окончаний лопастей в это время были широко распространены у населения лесостепного и степного Волго-Уралья и Западной Сибири [Деревянко, 1988, с. 26: рис. 15, *11*; Илюшин, 1999, с. 88: рис. 5, *14*].

Сердцевидные накладки (рис. 8, *1*) из кургана № 53, погребения 1. По типологии А.А. Торгоева относятся к изделиям типа Нбп10 [Торгоев, 2011, с. 170: рис. 20, *6, 8*], генезис которых приходится на время распространения стрелковых катандинских поясов (третья хронологическая группа ременных гарнитур Семиречья) — конец VII — середина VIII в.

Четырехлепестковые непрорезные накладки (рис. 8, *3–17*) со скошенными краями, плоской поверхностью и четырьмя округлыми лопастями из кургана № 53, погребения 1. По типологии И.О. Гавритухина относятся к типу 2 четырехлепестковых накладок блока вариантов 1, т.е. без орнаментальных прорезей [Гавритухин, 2023, с. 155–156]. Наиболее плотная концентрация подобных находок выделяется для территории юга современной Удмуртии и связана с первым и вторым пе-

риодами развития волго-уральских ременных гарнитур, т.е. серединой VI — третьей четвертью VII в. [Там же, с. 156; с. 184: рис. 7, *15, 16, 18*]. Тем не менее наша находка в подборке И.О. Гавритухина рассматривается как позднейшая их разновидность [Там же, с. 158; с. 182: рис. 6, *62*], сложившаяся вследствие переработки традиций тюркских каганатов западносибирскими лесостепными и степными племенами во второй половине VIII — первой половине IX в.

Украшения одежды

Цельнолитая пряжка (1 ед.) *с овальной рамкой и четырехугольной рамчатой обоймой* (рис. 8, *22*) из кургана № 43, погребения 1. Прямоугольные рамчатые обоймы имеют обширный культурный и хронологический контекст. В Восточной Европе они известны, например, в комплексах ломоватовской и неволинской [Голдина, Водолаго, 1990, с. 165: табл. LXIX, *3–7*] и салтово-маяцкой культур. В Западной Сибири были обнаружены в погребении 3 Окунево-III [Могильников, Коников, 1983, с. 166: рис. 4, *2–5*] совместно с «рогатыми» накладками «волчихинской» серии и псевдопряжками, характерными для поясов агафоновского типа [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 33], а также в материалах Кузнецкой котловины (Сапагово-1) [Илюшин и др., 1992, с. 100: рис. 34, *13*; с. 109: рис. 43, *27*] с прорезными накладками от катандинских поясов. Перечисленные аналогии, кроме окуневской находки, отличаются плоской формой без загнутых краев, а полые катандинские и согдийские образцы имеют шарнирное крепление язычка. В последнем случае ирчинские и окуневские экземпляры по исполнению ближе к роговым уздечным пряжкам (напр.: [Овчинникова, 1990, рис. 48, *10, 13, 19*]) и могут отражать переработку согдийских и катандинских традиций.

Двучастная накладка с сильно профилированными «рогами» (рис. 8, *23*) из погребения 1 кургана № 43. Данный тип ременных украшений широко известен по материалам Прикамья [Голдина, Водолаго, 1990, с. 128: табл. XXXI, *38, 47*] в составах «агафоновских» поясов. Ближайшие примеры из Западной Сибири накладок с сильно профилированными «рогами» известны по кудыргинским (м. 5) комплексам [Гаврилова, 1965, табл. XII, *8, 9*] и погребению 2 Лихачевского могильника. Экземпляры с менее развитыми формами, характерными для конца VI — середины VII в. (вариантов 1 и 2 «рогатых» накладок второго горизонта волго-уральских гарнитур), встречаются в Новосибирском Приобье и на юге Кузнецкой котловины в материалах верхнеобской культуры (Юрт-Акбалык-4, к. 2, п. 1, Черемза-1), в Красноярском крае в усть-ковинской культуре, на Алтае в погребениях одинцовской культуры (п. 28 Чумыш-Перекат). Наиболее южные аналогии обнаруживаем в комплексах кенкольской культуры (Таш-Тюбе) [Могильников, 1981, рис. 23, *5, 5а*]. Учитывая перечисленные аналогии, ирчинские экземпляры можно датировать в рамках третьего горизонта волго-уральских геральдических ременных гарнитур, т.е. серединой/второй половиной VII — началом VIII в. н.э. (ИС-28 по: [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 90; рис. 89: *21, 31, 35*]), не исключая и более поздней даты.

Округлая бляшка со слегка загнутыми краями и отверстием для подшивания (рис. 8, *2*) происходит из погребения 1 кургана № 43. Подобные изделия известны в широком географическом и хронологическом диапазоне.

Серьги в форме разомкнутого округлого кольца (рис. 8, *18, 19*) из кургана № 53 (погребение 1?). Отсутствие привески существенно затрудняет хронологическую атрибуцию и поиск аналогий, тем не менее обратим внимание на отсутствие на дужке наших экземпляров «отростков», характерных для развитых типов так называемых салтовских серег (по: [Сташенков, 1998, с. 215]), расширенную среднюю часть дужки и относительную небольшую толщину дрота, что в совокупности сближает ирчинские изделия с характерными для евразийской моды периода первых тюркских каганатов височными украшениями [Там же, с. 229, рис. 6].

Бусина серебряная бочковидной формы (рис. 8, *20*) (от кольцевой серьги, дужки которой не сохранились) с зерно-филигранным декором из кургана № 28, погребения 1. По типологии Ю.В. Подосеновой относится к типу 1 бусинных височных колец [Подосенова, 2021, с. 116–117: рис. 116, *2, 3*; 117, *1, 3*], которые встречаются в закрытых комплексах Пермского Предуралья не ранее XII в. В Северном Предуралье датируются с XI в. [Там же, с. 119], в Западной Сибири известны с конца XI — XII в. (Сайгатинский IV, Пылаевский некрополи).

Бусы (рис. 8, *21*) из кургана № 53, погребения 1, представлены черным, фиолетовым, бирюзовым и темно-синим бисером, двух-трехчастными бусами с металлической прокладкой, округлыми, черно-белой бочонкообразной удлиненной полосатой пронизью, двучастной черной пронизью. Большая часть изделий из набора находит аналогии в хронологической группе конца VII — VIII в. бус неволинской культуры [Голдина, 2010, с. 141–143, рис. 31–33].

Таким образом, по совокупности аналогий вещевому инвентарю и его предварительной хронологической оценке погребения из Ирчинского могильника могут быть датированы сле-

дующим образом: погребение 1 из кургана № 28 — XI–XIII вв.; погребение 1 из кургана № 53 — VIII — первая половина IX в. н.э.; погребение 1 из кургана № 43 — VII–VIII вв. Итак, некрополь хронологически неоднородный и формировался длительное время, вероятно, с юга на север вдоль восточного берега оз. Ирча (рис. 1, Б).

Обсуждение

Определение места Ирчинского могильника в системе древностей лесостепного Прииртышья существенно осложнено в связи с тем, что для эпохи раннего средневековья этой территории выделено множество культурных образований.

В целом для региона время VII–XIII вв. ассоциируется со сменяющими друг друга древностями потчевашской [Могильников, 1987, с. 183–193; Коников, 2007] и усть-ишимской культур [Могильников, 1987, с. 193–202; Коников, 2007], характеризующих западносибирское угорское наследие. Процесс сложения этих культур, как считает большинство исследователей, сопровождался перманентными контактами местного населения с носителями тюркской культурной традиции, например в трансформированном виде сросткинской археологической культуры. Данные наблюдения подкреплены наличием в потчевашских и усть-ушимских комплексах «кочевнических» элементов в обрядах (сочетание ингумаций и кремаций, захоронения чучела коня, широтные ориентировки погребений) и инвентарных наборах (воинские пояса, детали вооружения), а также отдельных примеров захоронений мигрантов и/или переселенцев со степных территорий Обь-Иртышья: Изылбаш и Романтеевка, Соляное-2, Погребение у ж/д вокзала, Алексеевка-I, Преображенка-3, Усть-Тартас, Сопка-2, Чулым-2 и др. (рис. 1, *А*).

В контексте описанного выше нам представляется, что погребения Ирчинского могильника содержат больше параллелей с кочевнической группой некрополей: курганные насыпи, широтные ориентировки захоронений, погребения-кенотафы, помещение умершего на дневной поверхности, погребение чучела лошади под насыпью. Местные черты выражены слабо — только одно, и самое раннее, погребение из кургана № 43 содержало сосуды с гребенчато-желобчатой орнаментацией и навершие ножа, оформленное в зооморфной манере. Тем не менее даже оно по совокупным признакам обряда (широтная ингумация на дневной поверхности) не может быть уверенно отнесено к потчевашской культуре в силу своего своеобразия на фоне эталонных грунтовых некрополей Окунево-III и Лихачевского с кремациями и меридиональными ингумациями. Поэтому считаем, что имеющиеся в нашем распоряжении материалы Ирчинского могильника отражают разные этапы процесса проникновения кочевнических компонентов в материальную культуру населения лесостепи Прииртышья, что убедительно продемонстрировано на примере локальной барабинской группы некрополей новосибирским коллективом исследователей [Деревянко, 1988].

Подобный симбиоз разных традиций в рамках одной культурной группы помимо ближайших аналогий прослежен несколькими поколениями исследователей на примере сросткинской культуры [Грязнов, 1956, с. 145–152; Гаврилова, 1965, с. 70; Могильников, 1981, с. 45–46; Савинов, 1994, с. 80–101]. По современным оценкам, она появилась уже в сформированном виде в VIII в. н.э. на территории от лесостепного Алтая до Новосибирского Приобья и представляла собой поликультурное образование, сложившееся на основе самодийского суперстрата и тюркского субстрата.

Заключение

Таким образом, материалы могильника из Ирчи демонстрируют процесс проникновения и сочетания разновременных тюркских традиций в рамках развития местных культур лесостепи долины Иртыша, объединяя элементы культуры тюркских каганатов, сросткинские, катандинские, угорские и восточноевропейские признаки. Вопрос об их происхождении в данном случае, для одного могильника, должен рассматриваться в широком контексте памятников региона раннего средневековья с привлечением антропологических данных, что является перспективой наших будущих исследований.

Благодарности. Авторы выражают глубокую признательность хранителю фондов археологии Омского государственного историко-краеведческого музея Елизавете Мишкиной, а также администрации музея в содействии при работе с коллекциями. Авторы благодарны А.П. Бужиловой и П.П. Карцеву (Научно-исследовательский институт и музей антропологии МГУ имени М. В. Ломоносова) за предоставленную возможность работы с антропологической коллекцией, а также рецензентам настоящей статьи за ценные замечания.

Финансирование. Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 24-28-01779.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. 1973. № 4. С. 81–98.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 144 с.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст: Коллективная монография. М.: ИА РАН, 1996. 298 с.

Гавритухин И.О. Комплекс металлических изделий эпохи Первого Тюркского каганата из Бесланского могильника (Северная Осетия) // Нижневолж. археол. вестник. 2023. № 1. С. 139–202. https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.10

Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). Ижевск: Удмурт. ун-т, 2010. 264 с.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 1990. 176 с.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: Морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул: Азбука, 2009. 144 с.

Деревянко Е.И. (отв. ред.). Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1988. 176 с.

Зеленков А.С. К вопросу о формировании керамических традиций Тоболо-Иртышья в эпоху раннего средневековья // Уфим. археол. вестник. 2023. № 1. С. 159–177.

Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: Публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово: Издательство КузГТУ, 1999. 160 с.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово — памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 126 с.

Коников Б.А. Потчевашская культура // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: Издательство Том. ун-та, 1994. Т. 2. С. 150–164.

Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. 466 с.

Коников Б.А. Кыпчаки и южно-таежное Прииртышье (конец X — XIV в.) // Археология Северной и Центральной Азии: Новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул: АлтГУ, 2021. С. 215–221.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 399 с.

Могильников В.А. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 45–46.

Могильников В.А. Культуры лесного Прииртышья // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 183–202.

Могильников В.А., Коников Б.А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. 1983. № 2. С. 162–182.

Нестеров С.П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 168–172.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.

Подосенова Ю.А. Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: Изд-во Перм. национ. исслед. политех. ун-та, 2021. 210 с.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: ЛГУ, 1984. 174 с.

Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово: КемГУ, 1994. 215 с.

Серегин Н.Н. Стремена из погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии // Народы и религии Евразии. 2017. № 12. С. 9–23.

Серегин Н.Н. Удила и псалии из погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2018. № 2. С. 174–181. https://doi.org/10.14258/izvasu(2018)2-29

Сташенков Д.А. Евразийская мода в эпоху раннего средневековья: (К постановке проблемы) // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.: (Вопросы хронологии): Материалы II Междунар. археол. конф. Самара, 1998. С. 213–232.

Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Тюркизация южной тайги и северной лесостепи Среднего Прииртышья в конце I — начале II тыс. н.э. // Археология Северной и Центральной Азии: Новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул, 2021. С. 228–233.

Федорова Н.В. Север Западной Сибири в железном веке: Традиции и мобильность: Очерки. Салехард: Золотой тираж, 2019. 150 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

White T.D., Folkens P.A. The Human Bone Manual. L.: Elsevier. 2005. 464 p.

ИСТОЧНИКИ

Могильников В.А. Отчет о работах Иртышского отряда в 1969 г. 1969 // Архив ИА РАН. Р-1. № 400.

Торгоев А.И. Ременные украшения Семиречья V — начала XIII в.: (Вопросы хронологии): Дис. … канд. ист. наук. СПб., 2011.

Zelenkov A.S. [a, *], Sleptsova A.V. [a, b], Konikov B.A. [c], Grachev M.A. [d]
[a] University of Tyumen, Volodarskogo st., 6, Tyumen, 625003, Russian Federation
[b] Tyumen Scientific Centre SB RAS, Chervishesky trakt st., 13, Tyumen, 625008, Russian Federation
[c] Radiozavod named after. A.S. Popov, 10 let Oktyabrya st., 195, Omsk, 644009
[d] Omsk State Pedagogical University, Partizanskaya st., 4a, Omsk, 644099
E-mail: qvimen@hotmail.com (Zelenkov A.S.); sleptsova_1993@mail.ru (Sleptsova A.V.); boris_konikov@mail.ru (Konnikov B.A.); max803@yandex.ru (Grachev M.A.)

Early Medieval complexes from the northern forest-steppe of the Irtysh River region — Irchinsky burial ground (based on materials of V.A. Mogilnikov, 1969)

In this paper, artefacts from the Irchinsky burial ground are published. The site was excavated in 1969 by V.A. Mogilnikov in the northern forest-steppe of the Omsk region of the Irtysh River (Bolsherechensky district, vicinity of the Bolshemurly village). A total of seven burials from four barrows were examined. The artefacts are represented by pieces of horse harness (bit, stirrup, plaques, buckles, clamps, overlays), individual household items (adze, pottery of the Bakal and Potchevash types), weapons (arrowheads), and jewellery (beads, pendants, parts of a belt set). The burial rite is characterized by inhumations performed in oval and subrectangular pits oriented along the west-east line, accompanied by traces of ritual activities on a platform of the barrow (cremations, remains of animals). Based on the specifics of the artifact sets, the burial ground reflects a lengthy period of development, from at least the 7th/8th to 13th centuries. The Irchinsky necropolis demonstrates the integration of steppe traditions into the local historical and cultural context.

Keywords: Western Siberia, Omsk region, northern forest-steppe zone, Potchevash Culture, Ancient Turkic time.

Acknowledgements. The authors express their deep gratitude to the carrier of the archaeological collections of the Omsk State Museum of History and Local Lore, Elizaveta Myshkina, and to the museum administration for their assistance in working with the collections. The authors are grateful to A.P. Buzhilova and P.P. Kartsev (Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University) for the opportunity to work with the anthropological collection.

Funding. The work was carried out within the framework of the Russian Science Foundation Project No 24-28-01779.

REFERENCES

Ambrose, A.K. (1973). Stirrups and saddles of the early Middle Ages as a chronological indicator (IV–VIII centuries). *Sovetskaya arheologia*, (4), 81–98. (Rus.).

Derevyanko, E.I. (Ed.) (1988). *Baraba in the Turkic time*. Novosibirsk. (Rus.).

Fedorova, N.V. (2019). *The North of Western Siberia in the Iron Age: Traditions and Mobility: Essays*. Salekhard. (Rus.).

Gavrilova, A.A. (1965). *The Kudyrge cemetery as a source on the history of the Altai tribes*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).

Gavritukhin, I.O. (2023). A complex of metal products from the era of the First Turkic Khaganate from the Beslan burial ground (North Ossetia). *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik*, (1), 139–202. (Rus.). https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.10

Gavritukhin, I.O., Oblomsky, A.M. (1996). *The Gapon treasure and its cultural and historical context: Collective monograph*. Moscow: IA RAN. (Rus.).

Goldina, E.V. (2010) *Beads from burial grounds of the Nevolinskaya culture (late 4th–9th centuries)*. Izhevsk. (Rus.).

Goldina, R.D., Vodolago, N.V. (1990). *Burial grounds of the Nevolin culture in the Urals.* Irkutsk: Izd-vo Irk. un-ta. (Rus.).

Gorbunova, T.G., Tishkin, A.A., Khavrin, S.V. (2009). *Medieval decorations of horse equipment in Altai: Morphological analysis, manufacturing technologies, alloy composition*. Barnaul: Azbuka. (Rus.).

Ilyushin, A.M. (1999). *Saratovka burial ground: publication of materials and experience of ethnoarchaeological research.* Kemerovo. (Rus.).

Ilyushin, A.M., Suleimenov, M.G., Guz, V.B., Starodubtsev, A.G. (1992). *Sapogovo burial ground - a monument of the ancient Turkic era in the Kuznetsk basin.* Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo universiteta. (Rus.).

Khudyakov, Yu.S. (1986). *Weapons of the Medieval Nomads of Southern Siberia and Central Asia.* Novosibirsk. (Rus.).

Konikov, B.A. (1994). The Potchevash culture. In: *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri.* Tomsk, 150–164. (Rus.).

Konikov, B.A. (2007). *Omsk Irtysh region in the early and developed Middle Ages*. Omsk. (Rus.).

* Corresponding author.

Konikov, B.A. (2021). Kipchaks and the southern taiga Irtysh region (late 10th — 14th centuries). In: *Arkheologiya Severnoy i Tsentral'noy Azii: ovyye otkrytiya i rezul'taty mezhdistsiplinarnykh issledovaniy. Sbornik Tstatey, posvyashchonnyy 75-letiyu professora YU.F. Kiryushina.* Barnaul, 215–221. (Rus.).

Kubarev, G.V. (2005). *Culture of the Ancient Turks of Altai (Based on Materials from Funeral Monuments).* Novosibirsk. (Rus.).

Mogilnikov, V.A. (1981). The Srostki culture. In: *Stepi Yevrazii v epokhu srednevekov'ya*. Moscow, 45–46. (Rus.).

Mogilnikov, V.A. (1987). Forest-steppe Trans-Urals. In: *Finno-ugry i balty v epohu srednevekov'ya. Arheologiya SSSR*. Moscow.

Mogilnikov, V.A., Konikov, B.A. (1983). Burial ground of the Potchevash culture in the Middle Irtysh region. *Sovetskaya arheologia*, (2), 162–182. (Rus.).

Nesterov, S.P. (1981). Tesla of the ancient Turkic period in Southern Siberia. In: *Voyennoye delo drevnikh plemon Sibiri i Tsentral'noy Azii.* Novosibirsk, 168–172. (Rus.).

Ovchinnikova, B.B. (1990). *Turkic antiquities of the Sayano-Altai in the 6th–10th centuries*. Sverdlovsk. (Rus.).

Podosenova, Yu.A. (2021). *Temple jewelry of the medieval population of the Perm Cis-Urals*. Perm. (Rus.).

Savinov, D.G. (1984). *Peoples of Southern Siberia in the ancient Turkic era.* Leningrad. (Rus.).

Savinov, D.G. (1994). *States and cultural genesis on the territory of Southern Siberia in the early Middle Ages.* Kemerovo. (Rus.).

Seregin, N.N. (2017). Stirrups from burial complexes of early medieval Mongolian Turks. *Narody i religii Evrazii*, (12), 9–23. (Rus.).

Seregin, N.N. (2018). Bits and cheekpieces from burial complexes of early medieval Mongolian Turks. *Izvestiya Altaiskogo Gosudarstnennogo Universiteta. Istoricheskie nauki i arheologiya*, (2), 174–181. (Rus.). https://doi.org/10.14258/izvasu(2018)2-29

Stashenkov, D.A. (1998). Eurasian fashion in the early Middle Ages (towards the formulation of the problem). In: *Kul'tury evrazijskih stepej vtoroj poloviny I tysyacheletiya n.e. (voprosy hronologii): Materialy II Mezhdunarodnoj arheologicheskoj konferencii.* Samara, 213–232. (Rus.).

Tataurov, S.F., Tikhonov, S.S. (2021). Turkification of the southern taiga and northern forest-steppe of the Middle Irtysh region at the end of the 1st — beginning of the 2nd millennium AD. In: *Arkheologiya Severnoy i Tsentral'noy Azii: Novyye otkrytiya i rezul'taty mezhdistsiplinarnykh issledovaniy.* Barnaul, 228–233. (Rus.).

White, T.D., Folkens, P.A. (2005). *The Human Bone Manual*. London: Elsevier.

Zelenkov, A.S. (2023). On the Formation of Ceramic Traditions of the Tobol-Irtysh Region in the Early Middle Ages. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik*, (1), 159–177. (Rus.). https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.013

Zubov, A.A. (1968). *Odontology: Methodology of anthropological research*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Зеленков А.С., https://orcid.org/0000-0001-6257-119X
Слепцова А.В., https://orcid.org/0000-0001-5791-248X
Коников Б.А., https://orcid.org/0000-0002-5452-362X
Грачев М.А., https://orcid.org/0000-0002-4374-2229

Сведения об авторах:

Зеленков Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тюменский государственный университет, Тюмень

Слепцова Анастасия Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тюменский государственный университет, Тюмень.

Коников Борис Александрович, кандидат исторических наук, советник генерального директора, ОмПО «Радиозавод им. А.С. Попова», Омск.

Грачев Максим Александрович, директор музея археологии и этнографии, Омский государственный педагогического университет, Омск.

About the authors:

Zelenkov, A.S., Candidate of Historical Sciences, Researcher, Tyumen State University, Tyumen.

Sleptsova, A.V., Candidate of Historical Sciences, Researcher, Tyumen State University, Tyumen

Konikov, B.A., Candidate of Historical Sciences, Advisor to the General Director, OmPO Radio Plant, Omsk

Grachev, M.A., Director of the Museum of Archeology and Ethnography, Omsk State Pedagogical University, Omsk.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Accepted: 15.11.2024
Article is published: 15.09.2025